

ТРУДЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

УДК 331.5

doi: 10.26456/2219-1453/2021.4.162–172

ПОРТРЕТ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ТЕНДЕНЦИИ НА РЫНКЕ ТРУДА

М.В. Сергеева

ФГБУ «Всероссийский научно-исследовательский институт труда»
(ВНИИ) Минтруда России, г. Москва

Целью исследования является анализ качественных характеристик населения России в возрасте от 15 до 29 лет для составления портрета российской молодежи. Для этого были использованы данные из выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах (ВНДН). Исследование включает в себя рассмотрение портрета в динамике путем сравнения полученных значений в 2017 и в 2020 гг. На основе полученных данных автором построен портрет молодого безработного. Научная новизна заключается в выявлении проблемных точек в развитии молодежного рынка труда, поскольку наблюдающаяся тенденция прекаризации занятости молодежи требует разработки долгосрочной программы содействия занятости молодежи. Основные описательные характеристики российской молодежи, представленные в исследовании, впоследствии могут быть учтены при разработке такой программы.

Ключевые слова: *портрет молодежи, портрет безработного, молодежь, молодежная безработица.*

Введение

Рынок труда, являясь в своем роде медиатором большинства протекающих экономических отношений, претерпел значительные изменения в условиях пандемии COVID-19. К числу наиболее явных последствий относятся: сокращение численности занятого населения, в том числе, за счет увольнений [6, с. 67–78; 7, с. 577–588], рост уровня безработицы [8, с. 147–164], выпадение безработного населения в экономически неактивное [15, с. 391–410] и др.

При этом в описанных тенденциях на рынке труда отмечается перекося по национальному, гендерному, образовательному и другим признакам. Так, наиболее подверженными негативным последствиям COVID-19 являются уязвимые группы населения, прежде всего, женщины, молодежь [15, там же; 16]. В качестве примера можно рассмотреть исследование Л.Ф. Беланда (2020), в центре внимания которого – рынок труда в Канаде. Результаты анализа показывают, что женщины и молодые работники характеризуются одним из самых резких снижений в количестве отработанных часов (-43,5 % и -35,3 % соответственно) [14].

В российской экономике, пандемия, в частности, усилила движение молодежи из экономически активного в экономически неактивное население

(численность рабочей силы в возрасте 15–29 лет сократилась в 2020 г. на 1 млн человек), сопровождающееся снижением уровня занятости (для группы 15–24 – 26,7 % в 2020 г. против 28,1 % в 2019), ростом уровня безработицы (на +1,8 процентного пункта в 2020 г. для группы 15–24, достигнув отметки в 17,0 %)¹ и увеличением доли НЕЕТ-молодежи² (до 10,9 % в 2020 г.)³. Наиболее существенно вследствие «коронакризиса» пострадала группа молодежи в возрасте 25–29 лет, на которую приходится 83 % от числа выпавших в экономически неактивное население человек.

Негативные тренды показателей по молодежной возрастной группе имеют место и на регистрируемом рынке труда. В частности, в 2020 г. на 2,1 процентного пункта сократилась доля лиц, снятых с учета в связи с трудоустройством, из которых только 14,4 % были трудоустроены по направлению службы занятости против аналогичного показателя 37,3 % в 2019 году. Такое снижение эффективности работы служб занятости обусловлено значительным увеличением численности безработного населения среди молодежи (+438,9 % в 2020 г. в сравнении с 2019 г.) и, как следствие, ростом средней продолжительности безработицы молодежи с 4,0 месяцев в 2019 г. до 4,6 месяцев в 2021 г.⁴.

Рассматривая молодежь как одну из наиболее уязвимых групп для негативных последствий влияния пандемии [4, с. 306–323; 9, с. 194–227; 12, с. 351–368], можно отметить тенденцию прекаризации занятости молодежи [10, с. 1061–1071]. Этому способствует, в том числе, сформировавшееся в России лояльное отношение к неформальной занятости у молодежи, особенно в условиях учебы или после окончания университета [5, с. 112–125].

Представленные проблемы на молодежном рынке труда, тормозящие процесс восстановления и/или сохранения занятости молодежи в условиях пандемии коронавируса, определили необходимость разработки долгосрочной программы содействия занятости молодежи⁵.

Тем не менее, для эффективного последующего функционирования программы необходимо определение портрета российской молодежи, с целью выявления опорных точек, на которых должна основываться реализуемая программа, что обуславливает актуальность данного исследования. Ввиду ограниченности информации в выборочном обследовании рабочей силы и проводимого анализа выборочного наблюдения трудоустройства выпускников образовательных организаций один раз в пять лет, выявление основных характеристик молодежной группы в России представляется важным для разработки программы и дальнейшей оценки ее эффективности.

Методология исследования

Для создания портрета российской молодежи были использованы данные из выборочного наблюдения доходов населения и участия в

¹ по данным Всемирного Банка. Доступ: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=SL.UEM.TOTL.ZS&country> (Дата обращения: 15.10.2021)

² Доля молодежи (15–24) не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков

³ По данным ЕМИСС <https://www.fedstat.ru/indicator/58711> (Дата обращения 20.09.2021)

⁴ По данным 2-Г трудоустройства

⁵ Пр-1096, п.2 а. Перечень поручений по итогам Петербургского международного экономического форума // Официальный сайт Президента России. – 2021. – Доступ: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/65937> (Дата обращения 12.10.2021)

социальных программах (ВНДН) за 2017 и 2020 гг.¹. В программе SPSS Statistics (V.19) был проведен анализ основных качественных характеристик российской молодежи (15–29 лет): пол, семейное положение, уровень образования, положение в занятости и т. д. Предполагается, что данные ВНДН являются репрезентативными, что определяет возможность обобщения полученных результатов в масштабах России.

Результаты исследования и их обсуждение

Согласно полученным данным, в период 2017-2020 гг. имеет место снижение доли молодого населения в выборке, прежде всего, за счет сокращения численности в группах 20–29 лет (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Распределение респондентов среди молодежи по возрастным группам

	2017		2020	
	Кол-во наблюдений	Доля	Кол-во наблюдений	Доля
Всего наблюдений ВНДН	367106	100,00	132044	100,00
Всего наблюдений (в возрасте 15-29 лет), из них:	54836	14,94	16847	12,76
15-19 лет	16321	29,76	6339	37,63
20-24 лет	15172	27,67	4302	25,54
25-29 лет	23343	42,57	6206	36,84

Источник: составлено по данным ВНДН

Увеличение доли группы 15–19 лет при снижении аналогичных показателей для возрастных категорий «20–29» лет говорит в пользу устойчивого, прежде всего, демографического тренда, определяющего изменение в возрастной структуре молодежи. В качестве одной из причин данного явления можно рассмотреть демографическую яму в 90-х гг. XX века, постепенно сменяющуюся положительным естественным приростом, начиная с 2000 г. В пользу этого тезиса также говорит снижение средневзвешенного возраста респондентов по молодежной группе: с 22,6 лет в 2017 г. до 21,9 лет в 2020 г.

Результаты анализа качественных характеристик молодежи представлены в табл. 2.

Т а б л и ц а 2

Долевое распределение респондентов молодежной возрастной группы по качественным характеристикам, (%)

	2017	2020
ВСЕГО (15-29)	14,94	12,76

¹Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах проводится в начале года (январь-февраль), в связи с чем данные за 2020 год не отражают изменения, обусловленные пандемией COVID-19 и могут быть использованы для оценки общей динамики структуры портрета российской молодежи.

	2017	2020
ОБЩИЕ ПРИЗНАКИ		
Тип населенного пункта:		
Городское	71,31	71,27
Сельское	28,69	28,73
Живут в населенном пункте с численностью более 1 млн человек	19,39	16,83
Пол:		
Мужской	48,41	49,11
Женский	51,59	50,89
Семейное положение:		
Состоит в браке	28,64	22,56
Не состоит в браке	8,04	7,39
Вдовец/вдова	0,26	0,12
Разведен(а)	2,87	2,01
Разошлись	0,96	11,60
Никогда не состоял в браке	59,23	56,32
ОБРАЗОВАНИЕ		
Обучаются в школе	7,38	10,73
Нигде не учился	0,23	0,20
Уровень образования:		
Высшее	25,73	22,40
Неоконченное высшее	3,97	3,26
Средне-профессиональное	28,87	27,84
Общее среднее	40,23	45,11
Не имеют	1,20	1,39
Обучение в прошлом году:		
Да	37,79	43,80
Нет	62,21	56,20
Форма обучения		
Очная	80,87	82,96
Очно-заочная	2,88	2,90
Заочная	16,25	14,14
ПРОЧИЕ КАЧЕСТВЕННЫЕ ПРИЗНАКИ		
Признак малоимущего населения, из них:	25,41	20,61
15-19 лет (уровень бедности)	39,25(33,52%)	49,84 (27,31%)
20-24 лет (уровень бедности)	25,76(23,66%)	21,71(17,53%)

	2017	2020
25-29 лет (уровень бедности)	34,98(20,88%)	28,45(15,92%)
Работающие взрослые	51,31	46,12
• Работающие взрослые с признаком малоимущего, из них:	7,77	5,12
15-19 лет (уровень бедности среди работающих взрослых)	3,87 (1,01%)	5,51 (0,74%)
20-24 лет (уровень бедности среди работающих взрослых)	29,55 (8,30%)	29,07 (5,76%)
25-29 лет (уровень бедности среди работающих взрослых)	66,58 (12,15%)	65,42 (8,99%)
Неработающие взрослые	29,32	26,06
Инвалиды	1,62	1,64
Молодая семья	6,43	6,12
Многодетная семья	4,09	4,43
Неполная семья	9,14	7,37
ДЛЯ СРАВНЕНИЯ ВСЕГО ПО ВСЕЙ ВЫБОРКЕ ВНДН		
Работающие взрослые с признаком малоимущего	6,63	4,42
ОТНОШЕНИЕ К ЗАНЯТОСТИ		
Положение в занятости		
Занятые	55,88	53,55
Незанятые	44,12	46,45
Ищущие работу (безработные)	2,94	2,30
Студенты, обучающиеся дневной формы обучения, из них:	27,78	30,87
15-19 лет	65,53	62,57
20-24 лет	28,89	29,64
25-29 лет	0,66	0,81
По статусу найма		
На предприятиях	81,37	77,87
На ИП	18,63	22,13
Вид занятости по основной работе		
Формальный сектор	78,87	75,57
Неформальный сектор	21,13	24,43
Занятость по видам деятельности организации:		
Сельское хоз-во	4,16	3,56

	2017	2020
Добыча полезных ископаемых	19,52	19,82
Строительство	5,94	5,34
	2017	2020
Торговля	30,43	31,17
Финансовая, страховая деятельность; деят-ть с недвижимостью	13,33	11,68
Государственное управление, обеспечение военной безопасности	5,32	6,42
Образование	7,19	7,61
Здравоохранение	5,89	5,94
Деятельность в области культуры	6,32	6,61
Прочая деятельность	1,90	1,85

Источник: составлено автором по данным ВНДН

Результаты проведенного анализа говорят о сосредоточении большей части молодежного населения в городах небольшой численности (меньше 1 млн человек), что вероятно связано с процессами урбанизации при относительно высокой рождаемости в сельской местности в сравнении с городами, а также с низкой мобильностью жителей крупных городов при низкой склонности к рождению нескольких детей [13, с. 635–636].

В целом, гендерной асимметрии в демографическом плане не наблюдается: соотношение мужчин и женщин среди молодежи практически сводится к 1 : 1. В структуре молодежи доминируют лица, не состоящие в отношениях, при значительном увеличении доли числа тех, кто разошелся с партнером (+ 10,64 п.п. с 2017 по 2020 гг.).

Согласно полученным данным, каждый десятый молодой человек – школьник, что подтверждает описанную ранее тенденцию к снижению среднего возраста молодежи.

Косвенно на это также указывает и распределение молодых респондентов по уровню образования. Более 70 % молодежи представляют лица, имеющие общее среднее и/или средне-профессиональное образование. Выделяется тенденция к снижению уровня образования в сторону от профессионального (высшее, неоконченное высшее, средне-профессиональное) к непрофессиональному (общее среднее, нет образования). Данный факт частично подтверждает результаты исследования А.Р. Бессуднова и других авторов (2017). Это может являться следствием растущего социального неравенства, в том числе в образовании [2, с. 83–109], или, например, постепенным увеличением продолжительности процесса социализации в обществе (до 30–35 лет) [11, 58–76], вследствие чего растет период между окончанием одной ступени образования и переходом на другую.

Важно отметить, что несмотря на положительную динамику в отношении снижения доли молодежи, относящейся к малоимущему населению, этот показатель остается довольно высоким: каждый пятый молодой человек характеризуется признаком малоимущего населения. Данная

оценка превышает среднемировые показатели. Так, согласно World Data lab уровень бедности по группе 15–29 лет составляет 10 %¹.

И если среди молодежи, относящейся к малоимущему населению, преобладает группа 15–19 лет, то среди работающего бедного населения выделяется группа 25–29 лет, определяющая более 65 % работающих бедных как в 2017, так и в 2020 годах. Это может быть связано с продолжительным падением реальных располагаемых доходов населения, начиная с 2014 года². Однако, несмотря на снижение уровня бедности по старшим возрастным группам молодежи, можно говорить о сохранении риска выпадения молодежи в бедность по мере взросления, что косвенно указывает на уязвимость молодежи на рынке труда.

Результаты исследования свидетельствуют о преобладании среди молодежи занятого населения над незанятым, хотя данный разрыв постепенно сокращается на фоне увеличения числа незанятых. При этом отмечается снижение доли безработных, что говорит об увеличении периода обучения у молодежи, а также подтверждает растущее движение молодежи в сторону NEET (не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков). По оценкам Федеральной службы статистики доля NEET-молодежи в возрасте 15–24 лет увеличилась в период с 2017 по 2020 г. на 0,43 процентных пункта, достигнув отметки в 10,9 %³.

В числе занятых среди молодежи абсолютное большинство заняты на предприятиях, несмотря на тенденцию к росту занятости молодежи в индивидуальном предпринимательстве. Большинство работает в формальном секторе, однако, отмечается увеличение для занятых в неформальном секторе – каждый четвертый молодой человек.

По видам деятельности молодежь сосредоточена преимущественно в торговле (более 30 %) и добыче полезных ископаемых (почти 20 %), в то время как меньше всего молодых специалистов занято в сельском хозяйстве (менее 4 %), и этот показатель продолжает снижаться. С одной стороны, это говорит в пользу наличия связи между занятостью в сельскохозяйственном секторе и молодежной безработицей, доказанной в работе Т.В. Блиновой и др. (2018). Так, высокая занятость в сельском хозяйстве определяет высокие риски роста молодежной безработицы [3], что, во многом, обусловлено фактором сезонности. С другой стороны, снижение занятых в сельском хозяйстве может свидетельствовать о нарастающей угрозе продовольственного кризиса.

Важно отметить, что в строительстве, как и в сельском хозяйстве, отмечается низкая доля занятых среди молодежи (5,3 %), демонстрируется снижение на 0,6 п.п. в 2020 г. относительно значений 2017 года. Принимая во внимание исследования Международной организации труда, которые свидетельствуют о высокой доле молодежи в сельском хозяйстве и строительстве, работающей в неформальном секторе⁴, можно предположить движение молодежи в данных сферах деятельности от официального трудоустройства к неофициальному.

¹World Data lab. Доступ: WorldPovertyClock (Дата обращения 11.10.2021).

²Динамика доходов населения. Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики // Аналитический центр при Правительстве РФ. – 2020. Доступ: [rus_feb_2020.pdf\(ac.gov.ru\)](https://rus_feb_2020.pdf(ac.gov.ru)) (Доступ: 29.09.2021)

³Доля молодежи (15-24) не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков // Федеральная служба статистики. 2020. [EMISS\(fedstat.ru\)](https://EMISS(fedstat.ru)) Дата обращения: 15.09.2021

⁴Молодежная занятость // Международная организация труда. 2021. Доступ: [Молодежная занятость\(ilo.org\)](https://Молодежная_занятость(ilo.org)) (Дата обращения 4.10.2021)

В свою очередь, это указывает на проблему растущей прекаризации труда молодежи.

Таким образом, исходя из проведенного анализа, портрет российской молодежи в обобщенном виде можно описать следующим образом: городской житель, женщина, не состоит в браке, имеет общее среднее образование, официально трудоустроена, работает в сфере торговли.

Несмотря на то, что исследование ВНДН на предмет составления портрета молодежи имеет свои ограничения (например, нет возможности оценить количество призывников или количество молодых ученых), оно позволяет конкретизировать качественные характеристики молодежи и отследить их изменения. Тем не менее, особый интерес, обусловленный разработкой долгосрочной программы содействия занятости молодежи, представляет рассмотрение портрета безработной молодежи.

По аналогии с использованной ранее методологией, была проанализирована структура безработной молодежи с опорой на оценку ее качественных характеристик (табл. 3).

Таблица 3

Долевое распределение безработной молодежи по качественным характеристикам в начале 2020 года (%)

	2020
Ищущие работу (безработные)	100,00
ОБЩИЕ ПРИЗНАКИ	
Возрастная группа:	
15-19 лет	14,62
20-24 лет	41,79
25-29 лет	43,59
Тип населенного пункта:	
Городское	45,64
Сельское	54,36
Пол:	
Женский	43,85
Мужской	56,15
ОБРАЗОВАНИЕ	
Обучались в прошлом году (ответ: да)	14,87
Уровень образования:	
Высшее	23,08
Неоконченное высшее	0,77
Средне-профессиональное	35,90
Общее среднее	40,00
Не имеют	0,26
ПРОЧИЕ КАЧЕСТВЕННЫЕ ПРИЗНАКИ	
Признак малоимущего населения	48,97
Инвалиды	0,00
Молодая семья	8,46
Многодетная семья	3,59

Источник: составлено автором по данным ВНДН

Как видно из табл. 3, в числе безработных среди молодежи наиболее широко представлена возрастная группа старше 20 лет, что вновь указывает на сложность включения молодежи как группы в процессы функционирования рынка труда.

Можно отметить большую долю сельской молодежи в числе безработных, а также преобладание мужчин в этой группе, что значительно отличается от общего портрета безработного на регистрируемом рынке труда, где в основе портрета безработного стоит женщина, живущая в городе [1, с. 693–712].

Почти каждый пятый обучался в прошлом году, и все из данной категории, продолжают обучение в текущем году. По уровню имеющегося образования наибольшее число лиц в возрасте от 15 до 19 лет, ищущих работу, имеют общее среднее или средне-профессиональное образование.

Почти каждый второй относится к малоимущему населению.

Таким образом, результаты анализа позволили многопланово представить молодежную группу, рассмотрев ее с позиции различных качественных характеристик. По аналогии был построен портрет безработной молодежи.

Несмотря на очевидную ограниченность данного исследования, обусловленную как особенностями ВНДН, так и выбранными качественными характеристиками, проведенный анализ открывает возможности для более глубокого исследования молодежи, как таковой, и молодежной занятости, в частности.

Список литературы

1. Антонова Г.В., Мирзабалаева Ф.И., Бондарчук А.Г. Трансформация портрета безработного на регистрируемом рынке труда под влиянием институциональных и экономических факторов // Экономика труда. 2020. Том 7. № 8. С. 693–712. doi: 10.18334/et.7.8.110781.
2. Бессуднов А.Р., Куракин Д.Ю., Малик В.М. Как возник и что скрывает миф о всеобщем высшем образовании // Вопросы образования. 2017. № 3. С. 83–109.
3. Блинова Т.В., Былина С.Г., Русановский В.А. География молодежной безработицы в России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2018. № 4. С. 93–100.
4. Вередюк О.В. Качество занятости молодежи в России: анализ оценок удовлетворенности работой // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 3 (145). С. 306–323.
5. Вольчик В.В., Маслюкова Е.В. Нестабильность занятости и поведенческие предпочтения выпускников университетов // Журнал институциональных исследований. 2020. Т. 12. № 4. С. 112–125.
6. Говорова Н.В. Европейский рынок труда в условиях пандемической реальности // Современная Европа. 2020. № 7. С. 67–78.
7. Дробот Е.В. Влияние пандемии covid-19 на рынок труда США // Экономика труда. 2020. Т. 7. № 7. С. 577–588.
8. Заботкина В.И., Павленко О.В., Боярская Е.Л., Моисеева Е.Ю. Особенности репрезентации последствий пандемии COVID-19 в информационном пространстве стран Балтии // Балтийский регион. 2020. Т. 12. № 4. С. 147–164.
9. Зудина А.А. Дороги, ведущие молодежь в NEET: случай России // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 22. № 2. С. 197–227. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2018-22-2-197-227>
10. Кокшаров В.А., Агарков Г.А., Дмитриевна С.А.К. Прекаризация труда как растущая форма занятости молодых специалистов в условиях пандемии // Экономика региона. 2020. Т. 16. № 4. С. 1061–1071.
11. Коновалова Л.В. Социализация современной молодежи как социальная и научная проблема // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2014. № 6. С. 58–76.
12. Смолева Е.О. Барьеры инклюзии на рынке труда в восприятии социально уязвимых категорий населения (на примере Северо-Западного федерального округа) // Мониторинг

- общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 4 (146). С. 351–368.
13. Тындик А.О., Бирюкова С.С. География рождаемости в России // Демоскоп Weekly. 2015. № 635–636. [demoscope635.pdf](#)
14. Beland L.-P., Fakorede O., Mikola D. The Short-Term Effect of COVID-19 on Self-Employed Workers in Canada // Carleton Economics Papers. 2020. 28 p. <http://www.carleton.ca/economics/wp-content/uploads/cewp20-10.pdf>
15. Fana M., Torrejón Pérez S., Fernández-Macías E. Employment impact of Covid-19 crisis: from short term effects to long terms prospects // Journal of Industrial and Business Economics. 2020. N 47. P. 391–410. <https://doi.org/10.1007/s40812-020-00168-5>
16. Lee S., Park M., Shin Y. Hit harder, recover slower? Unequal employment effects of the COVID-19 shock. National Bureau of Economic Research. 2021. Working Paper N 28354 <http://www.nber.org/papers/w28354>

Об авторе:

СЕРГЕЕВА Мария Вячеславовна – младший научный сотрудник Лаборатории стратегических исследований социально-трудовых отношений, ФГБУ «Всероссийский научно-исследовательский институт труда» Минтруда России. 105064, Москва, Земляной Вал ул., 34, msergeeva@vcot.info, ORCID ID: 0000-0002-2026-325X, SPIN-код: 4347-2921

PORTRAIT OF RUSSIAN YOUTH: TRENDS IN THE LABOUR MARKET

M.V. Sergeeva

FSBI “All-Russian Research Institute of Labor”
(VNII) Ministry of Labor of Russia, Moscow

The purpose of the study is to analyze the qualitative characteristics of the Russian population aged 15 to 29 years to draw up a portrait of Russian youth. To do this, data were used from a sample observation of population income and participation in social programs (GNPs). The study involves reviewing the portrait in dynamics by comparing the obtained values in 2017 and in 2020. Based on the data obtained by the author, a portrait of the young unemployed was built. The scientific novelty lies in the identification of problematic points in the development of the youth labour market, since the current trend of precaring youth employment requires the development of a long-term program to promote youth employment. The main descriptive characteristics of Russian youth presented in the study can subsequently be taken into account in the development of such a program.

Keywords: *youth portrait, unemployed portrait, youth, youth unemployment*

About the author:

SERGEEVA Marija Vjacheslavovna – Research associate of the Laboratory for Strategic Research of Social and Labor Relations, All-Russian Research Institute of Labor, Russia, msergeeva@vcot.info.

References

1. Antonova G.V., Mirzabalaeva F.I., Bondarchuk A.G. Transformacija portreta bezrabotnogo na registriruемом рынке труда под влиянием институциональных и экономических факторов // *Jekonomika truda*. 2020. Tom 7. № 8. S. 693–712. doi: 10.18334/et.7.8.110781.
2. Bessudnov A.R., Kurakin D.Ju., Malik V.M. Kak vznik i chto skryvaet mif o vseobshhem vysshem obrazovanii // *Voprosy obrazovanija*. 2017. № 3. S. 83–109.
3. Blinova T.V., Bylina S.G., Rusanovskij V.A. Geografija molodezhnoj bezraboticy v Rossii // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 5. Geografija*. 2018. № 4. S. 93–100.
4. Veredjuk O.V. Kachestvo zanjatosti molodezhi v Rossii: analiz ocenok udovletvorennosti rabotoj // *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2018. № 3 (145). S. 306–323.
5. Vol'chik V.V., Masljukova E.V. Nestabil'nost' zanjatosti i povedencheskie predpochtenija vypusknikov universitetov // *Zhurnal institucional'nyh issledovanij*. 2020. T. 12. № 4. S. 112–125.
6. Govorova N.V. Evropejskij rynek truda v uslovijah pandemicheskoy real'nosti // *Sovremennaja Evropa*. 2020. № 7. S. 67–78.
7. Drobot E.V. Vlijanie pandemii covid-19 na rynek truda SShA // *Jekonomika truda*. 2020. T. 7. № 7. S. 577–588.
8. Zabotkina V.I., Pavlenko O.V., Bojarskaja E.L., Moiseeva E.Ju. Osobennosti reprezentacii posledstvij pandemii COVID-19 v informacionnom prostranstve stran Baltii // *Baltijskij region*. 2020. T. 12. № 4. S. 147–164.
9. Zudina A.A. Dorogi, vedushhie molodezh' v NEET: sluchaj Rossii // *Jekonomicheskij zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki*. 2018. T. 22. № 2. S. 197–227. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2018-22-2-197-227>
10. Koksharov V.A., Agarkov G.A., Dmitrievna S.A.K. Prekarizacija truda kak rastushhaja forma zanjatosti molodyh specialistov v uslovijah pandemii // *Jekonomika regiona*. 2020. T. 16. № 4. S. 1061–1071.
11. Konovalova L.V. Socializacija sovremennoj molodezhi kak social'naja i nauchnaja problema // *Kontekst i refleksija: filosofija o mire i cheloveke*. 2014. № 6. S. 58–76.
12. Smoleva E.O. Bar'ery inkluzii na rynke truda v vosprijatii social'no ujazvimykh kategorij naselenija (na primere Severo-Zapadnogo federal'nogo okruga) // *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2018. № 4 (146). S. 351–368.
13. Tyndik A.O., Birjukova S.S. Geografija rozhdaemosti v Rossii // *Demoskop Weekly*. 2015. № 635–636. demoscope635.pdf
14. Beland L.-P., Fakorede O., Mikola D. The Short-Term Effect of COVID-19 on Self-Employed Workers in Canada // *Carleton Economics Papers*. 2020. 28 p. <http://www.carleton.ca/economics/wp-content/uploads/cewp20-10.pdf>
15. Fana M., Torrejón Pérez S., Fernández-Macias E. Employment impact of Covid-19 crisis: from short term effects to long terms prospects // *Journal of Industrial and Business Economics*. 2020. N 47. R. 391–410. <https://doi.org/10.1007/s40812-020-00168-5>
16. Lee S., Park M., Shin Y. Hit harder, recover slower? Unequal employment effects of the COVID-19 shock. National Bureau of Economic Research. 2021. Working Paper N 28354 <http://www.nber.org/papers/w28354>